

РОССИЙСКО–ПОЛЬСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ПЕРИОД КИЕВСКОЙ РУСИ (X – XI ВЕКА) В ОЦЕНКЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Т.Т. КРУЧКОВСКИЙ

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Введение. Характеризуя место и роль истории Польши в историософской концепции истории России Н.М. Карамзина, следует сразу же заметить, что в этой области историк выступал во многом как первопроходец в русской историографии. История Польши рассматривалась ученым в его творчестве преимущественно в контексте русско–польского исторического соперничества и политического решения польского вопроса в России начала XIX века. В связи с этим, а так же и последующим огромным влиянием Карамзина на русское общественное мнение, его положения в области русской исторической полонистики оказали существенное влияние на ее дальнейшее развитие [1–11; 19–20; 22–24; 26; 28 и др.]. Начальным и вместе с тем весьма важным этапом этого противоборства, по мнению ученого, было время Киевской Руси. В контексте изучения исторической полонистики Н.М. Карамзина подобное исследование проводится впервые.

Основная часть. Начальный период истории польского народа и становление его государственности рассматривается русским историком в тесной связи с начальной историей восточных (российских – согласно терминологии историографа – Т.К.) славян и их государственности, по Карамзину, – Киевской Руси или же России. В первом томе «Истории государства Российского» Карамзин дал общую характеристику истории и культуры не только всех славян начального периода их государственности, в том числе и поляков, но и других народов, населяющих территорию ему современной России. В отношении славян, в первую очередь историк отметил российских, т. е. восточных славян, а затем дунайских, т. е. южных и западных (богемских, сербских, кроатских, далматинских, лужицких, польских, болгарских, каринтийских).

Весьма интересно отметить, что Карамзин считал возможным тесное родство днепровских и висленских полян, т.е. племенных славянских объединений, ставших впоследствии центрами двух славянских держав, выбравших иной цивилизационный путь развития – Руси и Польши. «Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской Губернии и назвались Полянами от чистых полей своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского» [12, с. 48].

Карамзин также по-своему определял общие и специфические черты духовной и материальной культуры славянских народов. Историк связывал особенности отдельных народов с географическими условиями их расселения, а также с формами возникавшей у них государственности. К факторам, обусловившим отличие «российских» славян от всех остальных, он относил, в частности, добровольное призвание варяжских князей. Весьма показательно то, что Карамзин, в отличие от Ломоносова [27], признавая факт господства норманнов, считал это событие весьма важным положительным моментом в российской истории. «Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление, и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями» [12, с. 93]. Объяснял это историк исходя из одного из своих главных критериев – будущего величия России посредством самодержавной формы правления. «Междоусобие и внутренние беспорядки открыли Славянам опасность и вред народного правления; но, не зная иного в течение многих столетий, уже ли в несколько месяцев они возненавидели его и единодушно уверились в пользе Самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, переменитьсь обычаям и нравам» [12, с.59]. И этой внешней силою, но с согласия граждан, по Карамзину, стали варяги. «Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводил Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан» [12, с.93]. «До времен Рюрика и Олега они (славяне – Т.К.) не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам, не думали соединять народных сил в общем правлении, и даже изнуряли их войнами междоусобными» [12, с.52].

Такой подход Карамзина в значительной степени отличается от его же будущих единомышленников в русской историографии XIX века. Большинство из них стали убежденными антинормани-

стами [14]. Данный варяго–русский вопрос отмечается и в современной российской историографии, остается и в настоящее время одним из главных в иерархии проблем, касающихся начала Руси [15].

И, как результат такого правильного развития, Карамзин показывал рост могущества и значения России по сравнению с другими славянскими народами, в том числе и поляками: «В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностью едва ли не все тогдашние Государства Европейские. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы, распространили ее владения от Новгорода и Киева к Западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к Югу до порогов Днепровских и Киммерийского Боспора; к Северу и Востоку граничила она с Финляндией и с Чудскими народами» [12, с.163]. При этом Карамзин считал, что Россия того времени сохранила также определенные черты самоуправления: «Самый народ Славянский хотя и покорился Князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности, и в делах важных, или в опасностях государственных, сходился на общий совет [...]. Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в Державах строгого, неограниченного Единовластия» [12, с.164].

Образование на Востоке Европы крупного восточнославянского государства Н.М. Карамзин рассматривал как явление из ряда событий, вызванных падением Римской империи. Россия вошла в общую систему европейских народов после того, как Рим «ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров северных» [12]. До середины XI века, по мнению историка, Русь ни в чем «не уступала в силе и гражданском образовании первейшим европейским державам, имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные [...], явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодною быть под влиянием Греции, единственной державы, неиспроверженной варварами» [12, с.166]. В Записке «О древней и новой России» Карамзин, весьма образно развивая данное положение, утверждал: «В XI веке Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долготлетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов; озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Боспору Фракийскому или к горам Карпатским. Одним словом, Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным Государством» [13, с.473].

Как видим, наряду с показом некоторых объективно существовавших особенностей развития Руси данного периода у Карамзина явно просматриваются тенденции идеализации развития Руси данного периода и рассмотрения ее как определенной наследницы величия и мощи Рима и Византии. Данное положение отмечалось не только в московских источниках XV – XVI веков, которыми пользовался историк, но и сохранилось в русской историографии XIX – начала XX веков [3] и имело и имеет свои отголоски в советской [22–23 и др.] и в современной российской историографии [6;19 и др.]. Роль поляков, как и других славянских народов, при этом рассматривалась как второстепенная и малозначительная для истории России. Это положение заметно также и в русской либеральной историографии, даже у авторов считающихся полонифильски настроенными (Н.И. Кареев [1; 17; 31], А.Л. Погодин [16]).

Вполне в духе идей Карамзина, известный российский историк А.Н. Сахаров в первой главе изданной недавно в России коллективной монографии о внешней политике России утверждает, что основные геополитические проблемы восточноевропейского региона начали формироваться еще в период «великого переселения народов», когда восточные славяне, отрезанные от морей, вынуждены были оборонять свои земли от соседей, особенно восточных кочевников. В древнерусский период сложилось, считает он, и западное направление внешней политики, связанное с тенденцией к расширению границ государства, становлением контактов с европейскими державами, признанием Руси как одной из ведущих стран тогдашнего восточноевропейского мира [25].

Следует заметить, что такой важный сюжет в политической истории Киевской Руси, как ее отношения с западными государствами, в том числе и с Польшей, остался в Истории Карамзина мало изученным. Возможно, это связано с тем обстоятельством, что внимание Карамзина было традиционно направлено преимущественно на русско–византийские отношения, а также на отношения Руси со степью.

Вместе с тем важно отметить, что Карамзин утверждал о том, что уже в этот начальный период истории начинают расходиться исторические дороги славян, в том числе и поляков: «рассеянные по Европе, окруженные другими народами, и нередко ими покоряемые, славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия». При этом он считал, что

главная из них ветвь русская «более всех других образованная», и ее язык «менее всех других смешен с чужеземными словами» [12, с.89]. Развивая данное положение и представив расселение «славянских народов от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии», историк утверждал, что «они сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединяясь, овладеть Европою» [12, с.89]. Яркое выражение у историографа нашла также мысль и сожаление о том, что славяне не смогли объединиться под главенством Руси в тот исторический период и доминировать в Европе. Н.М. Карамзин, в отличие от последующей российской историографии (М.П. Погодин, Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, Н.И. Кареев, А.Л. Погодин и др.), не акцентировал внимание на том, что осуществить это не удалось славянам по ряду причин, в том числе из-за принятия западными славянами католичества и «предательства» поляков, примкнувших к западной цивилизации.

Однако славяне в интерпретации Карамзина – «слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием» [12, с.89]. Разумеется, этим государством, в его представлении, была Россия. Историк в примечании к первому тому своей Истории под номером 64 еще раз об этом напоминал читателю. И при этом Карамзин, выдвигая причины такого положения: «Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом будущей судьбы его зависит от судьбы Государства», одновременно сравнивает историю Руси с судьбой польского народа и его славянского наречия: «Польское, смешенное со многими Латинскими и Немецкими словами» [12, с.89]. Однако в этот киевский период истории Руси Карамзин особо не акцентирует внимание на отличия в развитии Руси и Польши того периода, а скорее подчеркивает их общность. Историк отмечал, что «Ляхи, наскучив бурной вольностью подобно Славянам Российским, еще ранее их (и в этом явно Карамзин видел причины определенных успехов поляков в период первых Пястов – Т.К.) прибегли к Единовластию» [12, с.145].

Общие его историко–политические положения о Польше периода становления государственности ограничивались описанием расселения польских племен, упоминанием о некоторых взаимных столкновениях в ходе войн, указанием о значительном немецком влиянии на Польшу. В «Записке», а не в его «Истории», высказывается положение о том, что весьма важно для представления Карамзина о величии России и отношении ее к Польше, что поляки «дотоле боялись Россиян» [13, с.473]. Также определенные места в сочинении историка посвящены войнам Руси и Польши домонгольского периода. Согласно мнению Карамзина, столкновение геополитических интересов Руси и Польши происходит уже во время правления Владимира. Карамзин больше внимания уделял истории Польши уже при описании феодальных войн на Руси, в которых поляки принимали активное участие в русских делах, как, впрочем, и русские в польских внутренних феодальных войнах.

Отметив, что Польшей правил тогда «Мечислав (так Карамзин называет Мешко I – Т.К.), Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей», историк, не вынося окончательного вердикта о принадлежности спорных земель, так характеризует этот конфликт: «Владимир объявил ему войну с намерением, кажется, возратить то, что было Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к Государству Польскому» [12, с.145]. Такой подход Карамзина является весьма нетипичным для его позиции обычно рассматривать спорные земли Руси как русские. Описывая эту войну Владимира с польскими славянами, Карамзин в примечании (номер 431) излагает более широкий взгляд на это соперничество: он отсылает читателя также к мнению польских историков – Длугоша, который, по его мнению, рассказывает об этом эпизоде, опираясь на Нестора, а также – Мартина Галла и Кадлубека, которые, как он пишет, не знали Нестора [12, с.282]. Результатом данного похода, писал Карамзин, было присоединение Червенских городов, которые стали называться «Червенной Россией», одновременно подчеркивая, что это название иностранцы обратили в Красную [12, с.282]. Эти территории стали, как показывал далее Карамзин, постоянным местом соперничества Руси и Польши [12, с.195, 293, 299 и др.].

В следующие годы правления Владимира в отношениях с Польшей, считал Карамзин, наступают период мира, связывая его и с тем, что «Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседними Государствами: Польским, Венгерским и Богемским». Одновременно историк утверждал, что в отношении степи военная активность князя киевского продолжалась, хотя, как он описывает, духовенство должно было подтолкнуть к этому Владимира: «хищные Печенеги употребляли в свою пользу миролюбие его [...] Мудрые епископы и старцы доказали Великому Князю, что Государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но и внешних вра-

гов» [12, с.158]. В тоже время в примечаниях (номер 479), ссылаясь на Нестора и Длугоша, он рассказывает о посольстве Владимира к Болеславу в 1001 году, где видны и другие причины «миролюбия» Владимира. При этом Карамзин оставляет без комментария точку зрения Длугоша на это посольство, хотя она и противоречит его концепции взаимоотношений Руси и Польши того времени. Историк отмечал, что «Длугош, прочитав сие место в Несторе о мире Владимира с Болеславом, говорит, что Князь Российский, боясь могущественного Государя Польского, отправил к нему в 10001 году знаменитых послов и требовал его дружбы: на что Болеслав охотно согласился, считая приязнь Россиян выгодною для земли своей» [12, с.296].

Следующим значительным эпизодом русско–польского противостояния, по Карамзину, было участие Польши, точнее ее тогдашнего короля Болеслава Храброго, в борьбе за киевский престол на стороне Святополка против Ярослава Мудрого. Карамзин, ссылаясь на немецкого летописца Дитмара, отмечал: «Святополк, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польского Короля Болеслава, хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России». Отмечая преступления киевского князя, «Святополк не думал уступить ему престола, окровавленного тремя братоубийствами», Карамзин вспомнил также и о кровавой расправе Ярослава над новгородцами. Тем более разительно на этом фоне выглядит положительная оценка польского короля Болеслава, несмотря на его планы в отношении Руси. «Сей Король, справедливо названный Храбрым, был готов отомстить за своего зятя и желал возратить Польше города Червенские, отнятые Владимиром». Весьма интересно отметить, что Карамзин, описывая союз против поляков Руси и германской империи, установленный как против общего врага по инициативе императора Генрика II, отмечал и немецкий фактор в отношениях с Польшей. Он считал, что причиной его неудачи была русская сторона. «Князь Российский, дав ему, слово быть союзником, осадил Польский город, но более не причинил никакого вреда Болеславу. Таким образом, Ярослав худо воспользовался благоприятными обстоятельствами: начал сию бедственную войну, не собрав, кажется, достаточных сил для поражения столь опасного неприятеля, и дал ему время заключить мир с Генриком» [18]. И дальнейшие последствия воздействия немецкого фактора на взаимоотношения Руси и Польши, согласно Карамзину, были также негативны для страны. «Император, теснимый с разных сторон, согласился на условия, предложенные гордым победителем, и, недовольный слабою помощью Россиян, старался даже утвердить Короля в его ненависти к Великому Князю» [18].

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что, описывая поход Болеслава на Киев и отмечая полное поражение Ярослава Мудрого, Н.М. Карамзин считал, что победа досталась более храброму неприятелю, и не выносил никаких моральных негативных оценок этого факта. Отмечая восстановление власти Святополка в Киеве, он писал: «Народ снова признал Святополка Государем, а Болеслав удовольствовался именем великодушного покровителя и славою храбрости». Неблагодарность и предательство, по мнению Карамзина, совершил Святополк в отношении польских войск Болеслава: «Злодеи не знают благодарности: Святополк, боясь долговременной опеки тестя и желая скорее воспользоваться независимостию, тайно велел градоначальникам умертвить всех Поляков, которые думали, что они живут с друзьями, и не брали никаких предосторожностей. Злая воля его исполнилась, к бесславию имени Русского. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве; но сей Государь, сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих Бояр Российских и сестер Ярославовых» [18]. Результатом этого похода Болеслава для Руси были как территориальные, так и материальные потери. «Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города Червенские в Галиции, и великие сокровища, вывезенные им из Киева, отчасти роздал войску, отчасти употребил на строение церквей в своем Королевстве» [18].

Данные оценки Карамзина явно контрастируют с общим подходом отношения к Западу и к Польше в частности в русских источниках не только более поздних, но и того времени. Особенно это заметно на фоне исключительно негативных оценок его приемника М.Н. Погодина [29], который оказал большое влияние на отношение к польской проблематике в последующей русской исторической полонистике [30]. В «Повести временных лет», как отмечается в современной российской историографии, западные люди – это «не свои», чужие, отличающиеся от русских нравами и верой, что вызывает осуждение летописцев [19, с. 11]. Польша же рисуется страной, лишенной благодати [19, с. 12]. С неприязнью описан польский король Болеслав I Храбрый, в 1018 году захвативший Киев. Он якобы даже «на кони не могут седети», поскольку у него «череве тольстое». В это чрево, словно нечистой силе, русские ратники угрожали воткнуть «тростие» [19, с.12].

В данном случае именно Н.М. Карамзин занял совершенно иную точку зрения, не поддавшись негативной оценке русских летописей. Согласно мнению Карамзина, хотя «король Польский в са-

мом деле едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость Героя». Описывая данный случай, историк осуждает отношения русских к Болеславу, отсутствие благородства и разума у русских воевод, приведшее к поражению. «Воевода и пестун Ярослав, Будый, вздумал, стоя за рекою, шутить над тучностию Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острым копьем своим. Король Польский в самом деле едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостию, он сказал воинам: «Отмстим, или я погибну!» – сел на коня и бросился в реку; за ним все воины. Изумленные таким скорым нападением россияне были приведены в беспорядок. Ярослав уступил победу храброму неприятелю, и только с четырьмя воинами ушел в Новгород» [18].

В числе наиболее важных последующих событий русско-польских отношений периода Ярослава Мудрого историк называл уже вмешательство его в польскую внутреннюю политику. «В Польше царствовал тогда Мечислав, малодушный сын и наследник Великого Болеслава. Пользуясь слабостию сего Короля и внутренними неурядицами земли его, Ярослав взял Бельз: в следующую год, соединясь с мужественным братом своим, овладел снова всеми городами Червенскими; входил в самую Польшу, вывел оттуда множество пленников и, населив ими берега Роси, заложил там города или крепости» [18].

Карамзин при рассказе о брачном союзе Казимира, внука Болеслава Храброго и сестры Ярослава, без комментария (с одной лишь оценкой «собственный Летописец наш» – Т.К.) придерживается следующей точки зрения. «Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, (Казимир – Т.К.) женился на сестре его, (Ярослава – Т.К.) дочери Св. Владимира. Польские историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная Мария, названная Доброгневою, приняла Веру Латинскую, и что Король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный Летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за вено – то есть за невесту свою – 800 человек: вероятно, Россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здравою Политикою обоих Государств, утвердил за Россиею города Червенские». Показательно, что Карамзин в этом случае даже не попытался поставить вопрос о возможности (в отношении Московской Руси он неоднократно описывал и подчеркивал, что московские властители в таких случаях ставили неперемное условие – сохранения православия в браке) сохранения православия киевской княжной.

Подводя итог внешней политики Ярослава, Карамзин уделяет – наряду с Византией – большое внимание и Польше. Продолжение польской политики, по мнению Карамзина, привело к примирению и к взаимовыгодному взаимодействию. «Внешняя политика Ярослава была достойна Монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные Россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отомстив Польше и взяв свое, великодушною помощию утвердил ее целость и благоденствие» [18].

При этом описание Карамзиным данного периода истории Польши и русско-польских отношений, как видим, относительно академично по сравнению с последующим его описанием истории российско-польских отношений в последующие времена [13;18;21]. Он в основном ограничивается констатацией фактов и не дает негативных моральных оценок польскому вмешательству в дела русских княжеств, признает мужество, а не только вероломство, также и за поляками. О стремлении Карамзина к объективности свидетельствуют также и эмоционально нейтральные названия ряда глав второго тома Истории, или тезисов их содержания: «Завоевания в Польше», «Россияне в Польше», «Союз с Венграми, Богемцами и Поляками», «Первая вражда», «Мстислав едет в Польшу». Более того, можно отметить ряд названий тезисов глав во втором томе, которые наоборот свидетельствуют о том, что Карамзин осуждал морально неоправданные действия россиян в отношении поляков («Вероломное избиение Поляков»). Карамзин в отношении данного периода даже не высказывает прямого осуждения действиям Изяслава, как мы видели, обратившегося за помощью во внутренней борьбе к польскому королю: «Изяслав возвращается с Поляками», «Изяслав удалился в Польшу» (Глава IV, том 2). Такой подход Карамзина будет разительно отличаться от его собственного описания более позднего периода русско-польского соперничества. Совершенно иной становится его оценка этих русско-польских войн уже после монгольского владычества в московский период, в период возможного иного цивилизационного выбора России под влиянием политических идей из Польши.

Заключение. Таким образом, согласно нашему мнению, Н.М. Карамзин в своем концептуальном изложении истории России не уделял истории Польши периода ее раннего средневековья должного внимания. Связано это, на наш взгляд, с теми обстоятельствами, что История Карамзина

рассматривала период Киевской Руси как еще не столь тесно взаимосвязанной с историей Польши, а Польша этого периода не являлась основным историческим противником Руси Киевского периода. Как объект конкретно исторического изучения история Польши появляется в изложении историком уже в период Киевской Руси, а затем и в феодальных междоусобицах на Руси, а как первостепенный предмет изучения – во времена противоборства России и ВКЛ, а затем и Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кареев, Н.Н. История падения Польши в исторической литературе / Н.Н.Кареев. – М., 1888.
2. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 688 с.
3. Миллюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли. / П.Н. Миллюков. – СПб, 1898.
4. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. – Warszawa, 1970. –518 s.
5. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwoj teritorialny panstwa carow w ujeciu historykow rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. – Warszawa, 2001. – 310 s.
6. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie. – Warszawa, 2002. S. 21–34.
7. Nowak, A. Radzieckie biografie Karamzina (w związku z książkami: Natan Ejdelman, Poslednij lietopisiec, Moskwa 1983, s. 174; Jewgienij Osietrow, Tri żizni Karamzina, Moskwa 1985, s. 302) / A. Nowak // Przegląd Historyczny. – Т. XXVII. – 1986. – Zesz. 4. – S. 745–751.
8. Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции Н.М. Карамзина. / Т.Т. Кручковский // Вестник ГрДУ. – 2008 – № 3 . – С. 3–11.
9. Кручковский Т.Т. Н.М. Карамзин и общественно–политическая обстановка в России в отношении польского вопроса / Т.Т. Кручковский / Культура, наука, образование в современном мире. Материалы IV международной научной конференции. Гродно, 2009.– С.138–144.
10. Кручковский, Т.Т. Российско–польские отношения в первой половине XIX века и их влияние на развитие исторической полонистики в России / Т.Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – 2009 – № 1. – С. 72–79.
11. Сахаров, А.Н. Послесловие. Начальный период отечественной истории в освещении Н.М. Карамзина / А.Н. Сахаров, М.В. Свердлов / История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 1. – С. 383–400.
12. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 1.
13. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1989. / Н.М. Карамзин. – Т. 10–12. – С. 472–530.
14. Хлезов, А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. / А.А. Хлезов. – СПб. 1997.
15. Галкина, Е.С. Варяги и Русь / Е.С. Галкина, Ю.В. Колинченко, С.А. Гедеонов // Вопросы истории. – М., 2004. № 12. С. 157–160.
16. Погодин, А.Л. Очерк истории Польши. / А.Л. Погодин. – М., 1909.
17. Кареев, Н.И. Введение в курс истории средних веков / Н.И. Кареев. – Варшава, 1884.
18. Карамзин, Н.М. История Государства Российского. / Н.М. Карамзин. – СПб., 1842. – Кн. 1. – Т. I.
19. Хореев, В.А. Русский европеизм и Польша / В.А. Хореев // Славяноведение. – М., 2004. – № 2. – С. 5–28.
20. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218–417.
21. Карамзин, Н.М. История Государства Российского. / Н.М. Карамзин. – СПб., 1842. – Кн. 2. – Т. V.
22. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) / М.А. Алпатов. – М., 1985.
23. Рогов, А. И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. / А. И. Рогов // Источники и историография славянского средневековья. – М., 1967.
24. Карнаузов, Д.В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. (Источники и историография исследования) / Карнаузов Д.В. // История и историки. – М., 2005. – № 1 С. 53–83.
25. История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). – М.: Международные отношения, 1999. – 447 с.
26. Рогожин, Н.М. Н.М.Карамзин, «Колумбы российских древностей» и их современники. / Н.М. Рогожин. // Историография истории России до 1917 г.: в 2–х т. / под ред. М.Ю. Лачаевой. – М., 2004. – Т. 1. – С. 188–219.
27. Павлова, Г.Е. М.В. Ломоносов и становление отечественной науки / Г.Е. Павлова // Вопросы истории. – 1986. – № 10. – С. 42–51.
28. Сахаров, А.Н. Николай Михайлович Карамзин / А.Н. Сахаров / Историки России XVIII – XX веков. –

М., 1996. – С. 78–123.

29. Погодин, М.П. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний 1831 – 1867 / М.П. Погодин. – М., 1867.

30. Павленко, Н.И. Михаил Погодин / Н.И. Павленко. – М.: Памятники исторической мысли. – М., 2003. – 360 с.

31. Кареев, Н.И. История Западной Европы в новое время: в 7 т. / Н.И. Кареев. – СПб.–Пг., 1892–1917.

THE RIVALRY BETWEEN THE RUSSIA AND THE POLAND IN TIMES OF THE KIEV RUS (X – XI CENTURIES) IN THE WORKS OF N.M. KARAMZIN

T.T. KRUCZKOWSKI

Summary

Examining the well-known historical concept of the History of Russia by N.M. Karamzin, the author of the article raises a problem of marking out and showing the valuable approaches of the famous Russian historian to the rivalry between the Polish state and of the Russian Kijevs times. In N.M. Karamzin`s creative work the History of Poland is primarily regarded in the context of Russian–Polish rivalry and in the context of a so-called Polish problem in the early XIX c. The times of the Russian Kijevs were an important stage of that rivalry when Moscow. In the context of N.M. Karamzin`s historical Polonistics such research is carried out for the first time.

Keywords: Russian historian, N.M. Karamzin, Polish , Russian–Polish rivalry, Kijevs Russian , Polish–Lithuanian state, Polish problem.

© Кручковский Т.Т.

Поступила в редакцию 2 апреля 2012г.